

РЕМАРКА ПУШКИНА «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ»

1

Последняя сцена «Бориса Годунова» в первом издании трагедии Пушкина 1831 года, как известно, кончалась словами Мосальского, вышедшего на крыльцо «Дома Борисова» в Кремле:

«Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (*Народ в ужасе молчит*). Что ж вы молчите? кричите: да здравствует Царь Димитрий Иванович!

Н а р о д *безмолвствует*».

В заключительной авторской ремарке слово «безмолвствует» выделено курсивом. Ниже крупным шрифтом набрано: «Конец».¹

История истолкования этой знаменитой ремарки очень примечательна: она весьма наглядно демонстрирует, как много неясного существует еще не только в рукописных, но даже в печатных текстах произведений Пушкина и какие противоречивые и даже исключаяющие друг друга суждения об этих текстах высказывались критиками и исследователями; многие подобные противоречия из литературы о Пушкине не устранились еще и доныне. Вокруг приведенной концовки «Бориса Годунова» более чем за столетие, протекшее со времени ее первого появления в печати, накопилась целая критическая литература, пространно и на все лады комментирующая эту, казалось бы, столь понятную фразу простейшей синтаксической конструкции. Как это ни странно, но история ее появления в тексте «Бориса Годунова» действительно довольно загадочна, допускает различные предположения, а источники ее возникновения еще не определены.

Еще И. В. Киреевский, поместивший в своем журнале «Европеец» (1832) один из наиболее проникновенных отзывов о «Борисе Годунове» (среди появившихся при жизни поэта), отметил, что в этом произведении Пушкин неизмеримо выше своих читателей и что «такого рода трагедия, где главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не может быть понята большинством нашей публики».² Действительно, подавляющая часть критических суждений, высказанных о «Борисе Годунове» в 30-е годы, обнаруживает полное непонимание этой великой пародной драмы и явное неумение найти надлежащий критерий для ее справедливой оценки. Вполне естественно, что в придирчивых и большою

¹ Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург, 1831, стр. 142.

² И. В. Киреевский. Обзорение русской словесности за 1831 год. В кн.: Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах, т. II, [М., 1911], стр. 46—47. Этот отзыв вполне удовлетворил также и Пушкина, писавшего И. В. Киреевскому 4 февраля 1832 года: «Ваша статья о Годунове и о Наложнице (Баратынского, — М. А.) порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики».

частью невежественных замечаниях о «Борисе Годунове», которые мы встречаем в русских журналах той поры, о заключительной сцене не говорится почти вовсе. Лишь один Н. Полевой в большой статье о «Борисе Годунове», напечатанной в «Московском телеграфе» (1833), с похвалой отозвался о двух последних сценах трагедии, но в таком контексте, который сводил на нет как будто высказанное им одобрение: «Если рассматривать сцены, каждую отдельно, — писал Н. Полевой, — то большая часть из них прекрасны — некоторые особливо отделаны полно, мастерски». Далее следует небольшое перечисление сцен этого рода; заключают его «обе сцены эпилога». «За то другие, — оговаривался Н. Полевой, — слабы, ничтожны».³

В конце 30-х годов в журнале С. Е. Райча «Галатей» (фактически редактором журнала был в это время П. И. Артемов) появился довольно подробный критический разбор «Бориса Годунова». Автор этой неподписанной статьи (имя его остается неизвестным) между прочим признавался: «Мы... не можем, не должны пропустить последней сцены, в которой так много поэтического, что вы, прочитавши ее, невольно прослезитесь над несчастьем невинных детей Годунова... и над безумием легкомысленного, неблагодарного народа». Далее следует довольно обширное рассуждение о заключительной ремарке Пушкина, рассуждение, которым, по-видимому, и открылась последующая дискуссия о ней в русской критике и публицистике XIX—XX веков.

«Как много заключается в этом „народ безмолвствует“! — писал критик «Галатей». — Вы нехотя задумываетесь при этом „народ безмолвствует“, и как будто присутствуете при поражении Аполлоновыми стрелами Ниобы и при превращении ее в камень в минуту гибели невинных ее детей». Напомнив античный миф о Ниобе (или Нибее), пад которой свершился суд оскорбленных богов-олимпийцев,⁴ критик «Галатей» продолжал, по-своему толкуя значение пушкинской ремарки для уразумения представления Пушкина о народной массе и той роли, которую народ играл в династическом перевороте в Москве в начале XVII века: «В этом: „народ безмолвствует“ таится глубокая политическая и нравственная мысль: при всяком великом общественном перевороте народ служит ступенью для властолюбцев-аристократов; он сам по себе ни добр, ни зол, или лучше сказать, он и добр и зол, смотря по тому, как заправляют им вышние; нравственность его может быть и самую чистую и самую испорченную, — все зависит от примера: он слепо доверяется тем, которые выше его и в умственном и в политическом отношении; но увидевши, что доверенность его употребляют во зло, он безмолвствует от ужаса, от сознания зла, которому прежде бессознательно содействовал; безмолвствует, потому что голос его заглушается внутренним голосом проснувшейся, громко заговорившей совести. В высшем сословии совсем другое дело: там совесть подчинена и раболепно покорствуется расчетам честолюбия или какой другой страсти...»⁵

³ «Московский телеграф», 1833, ч. XLIX, январь, стр. 309; вошло в книгу: Николай Полевой. Очерки русской литературы, ч. I. СПб., 1839, стр. 193.

⁴ Для Пушкина Ниобея, как это видно, в частности, из его стихотворения «Художнику» (1836), была олицетворением горя, печали, страдания: «Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль...»

⁵ «Галатей», 1839, ч. IV, № 27, стр. 52, 54—55. Белинский несомненно хорошо знал эту статью, хотя нигде на нее не ссылается. В том же номере «Галатей», несколькими страницами далее (в статейке «Журнальные отметки»), помещен полемический выпад против Белинского, на который критик хотел отвечать: в письме к А. А. Краевскому от 19 августа 1839 года Белинский обещал «разделаться с Галатеей». В следующем году (когда фактическим редактором «Галатей» был уже В. С. Межевич) Белинский несколько раз иронически высказывался об этом журнале (см.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 137 и 440—441).

Этот интересный отзыв не обратил на себя широкого внимания, вероятно, по недостаточной распространенности журнала «Галатей», и критика о нем вскоре забыла.⁶

Напротив, большой известностью всегда пользовался и пользуется доныне другой отзыв о «Борисе Годунове», появившийся несколько лет спустя в «Отечественных записках». В 1845 году в этом журнале без подписи была напечатана посвященная «Борису Годунову» десятая статья Белинского из цикла его статей о Пушкине. В ней идет речь и о концовке этого «истинного и гениального образца народной драмы» (так Белинский назвал «Бориса Годунова» в почти одновременно написанных им «Мыслях и заметках о русской литературе» (1846)).⁷ «Превосходно окончание трагедии, — рассуждает Белинский. — Когда Мосальский объявил народу о смерти детей Годунова, — *народ в ужасе молчит...* Отчего же он молчит? разве не сам он хотел гибели годуновского рода, разве не сам он кричал: „вязать Борисова щенка“?.. Мосальский продолжает: „Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!“ — *Народ безмолвствует...* Это — последнее слово трагедии, заключающее в себе глубокую черту, достойную Шекспира... В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, пререкающей суд свой над новою жертвою — над тем, кто погубил род Годуновых...»⁸

Приведенное пояснение Белинского к заключительной ремарке пушкинской трагедии приобрело широкую известность и начало свое длительное странствование из книги в книгу; судьба этого пояснения также может уже составить особый эпизод в истории русской критической мысли. Вся статья Белинского о «Борисе Годунове», в которой идет речь о заключительной сцене трагедии, неоднократно перепечатывалась (полностью или с сокращениями) в собраниях его сочинений, в подборках его статей о Пушкине, школьных пособиях, хрестоматиях литературных материалов и т. д.; цитаты из этой статьи приводились часто и охотно. Слова о «новой Немезиде» с полным сочувствием цитировал, например, С. Елисейев, не соглашаясь, однако, с оценкой Белинским «Бориса Годунова» во многих других отношениях, в частности с тем, что ремарка о безмолвствующем народе «достойна Шекспира». Приведа всю интересующую нас цитату, С. Елисейев делает следующую оговорку: Белинский, «конечно, прав; но и тут не вполне: ни где, ни в одной драме Шекспира, даже в исторических хрониках, даже в Юлии Цезаре, народ не играет такой роли, не заполняет собой так пьесы, не изображен так всесторонне, выпукло и живо, как в комедии о настоящей беде Московского государства».⁹ Иногда этот отзыв Белинского с незначительными переделками или в легкой перефразировке приводили и без имени автора. Так,

⁶ П. О. Морозов напомнил об этом отзыве в своем комментарии к «Борису Годунову» в академическом издании сочинений Пушкина для иллюстрации того положения, что «критики, ближайшие по времени к Пушкину, не только не имели по поводу заключения трагедии каких-либо сомнений, но считали это заключение чрезвычайно сильным и удачным» (см.: Сочинения Пушкина, т. IV, изд. имп. Академии наук, Пгр., 1916, стр. 113).

⁷ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 451.

⁸ Там же, т. VII, стр. 534 (первоначально в «Отечественных записках» (1845, № 11)). В этой статье Белинский не в первый раз восторженно отзывался о пушкинской трагедии. Уже самая ранняя из известных нам критических статей Белинского («Лпсток», 1831) защищала «Бориса Годунова» от нападок русской печати вскоре после выхода в свет отдельного издания трагедии, в частности от упреков Надеждина в «Телескопе» (см.: В. С. Печачева, В. Г. Белинский. Ученые в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1829—1836. Изд. АН СССР, [М.], 1954, стр. 197); правда, в этой статье Белинского 1831 года о концовке «Бориса Годунова» речь не идет.

⁹ С. Елисейев. Ошибки Белинского в оценке «Бориса Годунова». «Дело», 1887, № 5, стр. 61.

например, в выдержавшей четыре издания (между 1886—1909 годами) книжке Е. Воскресенского о «Борисе Годунове» заключительная сцена характеризуется следующим образом: «...народ с ужасом и в безмолвии выслушал заключительные слова Мосальского... Он почувствовал все незаконные такой ужасной расправы... Страшный, карающий голос новой Немезиды, осуждающий убийц Годуновых, слышен в этом безмолвии...»¹⁰ Иногда, напротив, слова Белинского о «новой Немезиде» служили источником дальнейшего рассуждения или распространения, но их приводили и в этих случаях в обязательном порядке с функцией эпиграфа, подчеркивающего исходный момент рассуждения. Так, Д. Д. Благой приводит цитату о Немезиде для подкрепления той мысли, что «безмолвие народа» в финале пушкинской трагедии — «это очевидный ответ народа на то, чему он только что был свидетелем, и этот немой ответ звучит сильнее всяких слов». «В этом „безмолвие“ заключена, по Пушкину, вся дальнейшая судьба самозванца, — поясняет Д. Д. Благой вслед за Белинским... — поскольку народ от него отвернулся, его, достигшего высшего могущества и власти, ждет быстрое свержение и бесславная гибель. Сегодня — народ безмолвствует, а завтра — он заговорит; и горе тому, против кого он обратит свой голос, — таков смысл этого единственного в своем роде, потрясающего пушкинского финала».¹¹ В связи с такой трактовкой трагедии исследователю представляется знаменательным, что фраза «народ безмолвствует» «дается Пушкиным без скобок, в которых даны все ремарки, т. е. не в порядке ремарки».¹² В своей книге «Русский драматический театр XIX века», характеризуя «Бориса Годунова», С. С. Данилов приводит ту же цитату из статьи Белинского о «трагическом голосе повой Немезиды» для подкрепления того наблюдения, что «безмолвие народа в конце трагедии по существу тоже действительно, ибо является залогом скорого падения нового царя». При этом С. С. Данилов выражает свое согласие с мнением Д. Д. Благого и полагает, что заключительная фраза «народ безмолвствует» — «это не ремарка, а смысловое резюме, вытекающее из исторических и политических размышлений Пушкина».¹³

Многочисленные новейшие исследователи Белинского обычно цитировали его слова о пушкинской концовке с похвалой, исключаяющей возможность несогласия с ним, и не имея никакого представления о том, что возражения критике в свое время уже были представлены. «Говоря о „превосходном окончании трагедии“, включающей в себя известную фразу: „народ безмолвствует“, Белинский верно угадал ее огромный смысл», — замечает, например, И. Пехтелев.¹⁴

Представляется, однако, странным и даже необъяснимым, как случилось, что никто из восторженно цитировавших указанные слова Белинского о «безмолвии» и «новой Немезиде» не заметил, что они уже ска-

¹⁰ Е. Воскресенский. «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Разбор трагедии. Изд. 4-е, М., 1909, стр. 187.

¹¹ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. (1813—1826). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 472.

¹² Там же, стр. 471.

¹³ С. С. Данилов. Русский драматический театр XIX века, т. I. Изд. «Искусство», Л.—М., 1957, стр. 115.

¹⁴ И. Г. Пехтелев. Белинский — историк русской литературы. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1961, стр. 235; Н. А. Кастелин в своей книге «Белинский — театральный критик» (изд. «Искусство», М., 1950, стр. 105—106), со своей стороны, подчеркнул, что «Белинский недалеко от истины (?) в интерпретации этой картины», и, приведя всю цитату о «новой Немезиде», прибегнул к собственной ее амплификации; при этом он достиг почти юмористического эффекта, если взглянуть на его утверждение с акустической точки зрения: «В безмолвии народа как бы слышны первые раскаты грома, предвещающие кровавую грозу».

заны были до него в статье 1838 года, статье, которую Белинский отлично знал и на которую он сам ссылался неоднократно. Это были слова Фарнгагена фон Энзе в его известной характеристике творчества Пушкина, помещенной в берлинском журнале.¹⁵ В 1839 году статья была дважды напечатана в России в двух различных переводах.¹⁶ Существенно, что именно Белинский сыграл немалую роль в деле популяризации этой статьи среди русских читателей. В том же 1839 году в одном из своих журнальных обзоров он привел полностью интересующее нас место статьи Фарнгагена о заключительной оценке «Бориса Годунова» как очень ему понравившееся. Подробно пересказывая мнение Фарнгагена о «Борисе Годунове», Белинский в обзорной статье 1839 года о русских журналах между прочим писал: «Изложивши содержание „Бориса Годунова“, Варнгаген заключает свой беглый разбор этого гигантского создания следующим глубоко философским взглядом на его основную мысль». Следует (петитом) большая цитата из статьи Фарнгагена (по рукописи перевода М. Н. Каткова, что, конечно, не могло быть оговорено). Мы извлекаем из этой цитаты лишь самое ее начало: «Так заключается драма, заключается величественным впечатлением, в котором сосредоточивается вся сила совершившегося и в котором таится предчувствие новой Немецкы для нового преступления. Поэт разоблачил перед нашими взорами мировую судьбу... История не всегда свершает так свой суд; наши глаза часто едва-едва могут следить по рядам столетий за Немецкою; но те моменты истории, в которых суд свершается так же быстро и так же

¹⁵ «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», 1838, October; вошло в книгу: Varnhagen von Ense. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, Bd. V, Leipzig, 1843, S. 592—635. Осведомленность Фарнгагена во всем, что имело отношение к биографии и к творчеству Пушкина, частично объясняется его дружескими отношениями с А. И. Тургеневым и П. А. Вяземским (см.: Остафьевский архив князей Вяземских, т. IV. СПб., 1899, стр. 77—78).

¹⁶ Статья Фарнгагена о Пушкине (поводом для ее написания явился выход трех томов посмертного издания сочинений поэта) была хорошо принята в России в кругу друзей Пушкина, но вызвала полное неодобрение Н. А. Полевого, который писал о ней: «... мы удивляемся, чем могла она обратиться на себя внимание германцев? Мы поместили перевод ее в сей книжке Сына Отечества, как предмет для нас любопытный, но читатели наши сами могут видеть, что несмотря на немецкую манеру выражаться, статья Фарнгагена показывает самую неверную, самую прератную критику, односторонний взгляд на Пушкина, и — решительное незнание русской литературы и русской истории». «Мы, — заключал Полевой, — передаем нашим читателям статью г-на Фарнгагена, как... образчик упадка современной критики и философии в Германии» («Сын отечества», 1839, т. VII, № 1, отд. IV, стр. 44). Полное несогласие с данной оценкой статьи Фарнгагена Полевым Белинский тотчас же высказал в «Московском наблюдателе» (1839, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 100—138), отмечая и «странное заключение» Полевого, и крайне неудовлетворительные качества перевода статьи Фарнгагена. Белинский заказал даже новый перевод этой статьи М. Н. Каткову и надеялся, что сможет опубликовать ее в том же «Московском наблюдателе». Однако этот перевод не был пропущен цензурой, о чем мы знаем из свидетельства И. М. Снегирева, явившегося, очевидно, инициатором этого запрещения: «... согласно с мнением моим, он (граф С. Г. Строганов, — М. А.) находит статью из «Московского Наблюдателя» о Пушкине предосудительною во многих местах и хотел призвать к себе Каткова, переведшего ее из Фарнгагена, для вразумления» (Дневник Ивана Михайловича Снегирева, т. I. М., 1904, стр. 261; см. также стр. 260). В. И. Кулешов (см.: В. И. Кулешов. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд. Московского ун-ва, 1965, стр. 66) ошибается, утверждая, что статья Фарнгагена была опубликована в «Московском наблюдателе»; в этом журнале Белинский мог дать лишь ее изложение с цитатами из непропущенного перевода М. Каткова. Он писал по этому поводу: «Не можем удержаться, несмотря на недостаток времени и места, чтобы не поговорить об этой прекрасной статье, которая вдвойне важна для русской публики — и как дельная и верная оценка ее великого поэта, и как оценка, сделанная иностранцем, — обстоятельство драгоценное для нашего патриотического чувства» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 182; см. также стр. 171 и 617). Через месяц статью Фарнгагена в переводе Каткова удалось все же напечатать в петербургском журнале «Отечественные записки».

явственно, как здесь, — они-то и заключают в себе то, что мы зовем трагическим»¹⁷ и т. д.

Нетрудно заметить, что этот, по мнению Белинского, «глубоко философский взгляд» на окончание пушкинской трагедии чрезвычайно близок к тому, о чем писал он сам несколько лет спустя. Даже мифологический образ Немезиды как олицетворение возмездия, отмщения, неизбежной судьбы был в данном случае подсказан Белинскому Фарнгагеном; впрочем, такое словоупотребление было близко людям пушкинской поры и самому Пушкину (в его стихах речь идет о «вечной», «бессмертной» и «народной» Немезиде).¹⁸ От Белинского и Фарнгагена такой взгляд на концовку трагедии получил довольно широкое распространение;¹⁹ усвоил его и П. В. Анненков.

2

П. В. Анненков был первым издателем «Бориса Годунова», заметившим, что в автографической рукописи трагедии конец был иной. В своем издании «Сочинения Пушкина» (1855) он воспроизвел «Бориса Годунова» по первоначальному тексту 1831 года, но в примечании к заключительной фразе отметил: «В рукописи... после извещения Мосальского, что дети Годунова отравились, народ еще кричит: „Да здравствует Царь Дмитрий Иванович!“, а уже при печатании это заменено словами: „народ безмолвствует“, что так удивительно заключает хроникку, предрекая близкий суд и заслуженную кару преступлению».²⁰ На чем основывался П. В. Анненков, свидетельствуя, что ремарка «народ безмолвствует» впервые появилась в тексте «Бориса Годунова» «при печатании трагедии», остается неизвестным; мы, к сожалению, не знаем, был ли это собственный домысел Анненкова, исходившего из сличения рукописи Пушкина и первопечатного издания трагедии, или же ему стало известно об этом из какого-либо устного источника. В последующих изданиях сочинения Пушкина (например, в обоих изданиях Г. Н. Геннади — 1859—1860 и 1869—1871 годов и ранних изданиях П. А. Ефремова) отличие печатной концовки от рукописной либо не отмечалось вовсе, либо редакторы следовали за П. В. Анненковым и кратко сообщали, что возглас «Да здравствует царь Дмитрий Иванович!» «при печатании» трагедии был заменен словами «народ безмолвствует».²¹

В конце 80-х годов стали известны и вкратце описаны такие важные источники текста «Бориса Годунова», как беловой автограф с поправками Пушкина и В. А. Жуковского и писарская копия трагедии, находившаяся в руках А. Х. Бенкендорфа и того лица, которому он от имени Николая I поручил функцию цензора пьесы. Знакомство с этими рукописными источниками, ставшими собственностью государственных книго-

¹⁷ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 185. Немецкий текст этой цитаты приведен в книге: Андрей Филонов. «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Опыт разбора со стороны исторической и эстетической. СПб., 1899, стр. 132—133; там же приводится и перевод по тексту М. Н. Каткова, напечатанному в «Отечественных записках» (1839, т. III, № 5, приложение, стр. 22). Подробные данные о последующих перепечатках этой статьи Фарнгагена и об оценке ее в критической литературе см.: М. П. Алексеев. Пушкин на Западе. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 133—134.

¹⁸ Словарь языка Пушкина, т. II, М., 1957, стр. 805.

¹⁹ См., например: Д. В. Аверкиев. О драме. Критическое рассуждение. Изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 47 и 190. Анализируя заключительную сцену в том же смысле, Аверкиев добавлял, что она «имеет не только значение указания на будущую судьбу Самозванца... но и высокое трагическое значение: оно рисует последнее и конечное, посмертное несчастье Бориса».

²⁰ Сочинения Пушкина, т. IV, изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, стр. 457.

²¹ См., например: Сочинения А. С. Пушкина, т. II, изд. 3-е, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1880, стр. 441.

хранилищ (имп. Публичной библиотеки в Петербурге и Румянцевского музея в Москве),²² прежде всего подтвердило справедливость вышеприведенного свидетельства П. В. Анненкова, по крайней мере, в том отношении, что слов «народ безмолвствует» нет ни в одной авторской рукописи «Бориса Годунова». Может быть, в связи именно с этим обстоятельством в интерпретации печатной концовки пушкинской пьесы появился новый мотив: ее предложили считать теперь не только вынужденной, но даже недостаточно оправданной внутренними мотивами, случайной подробностью текста. Такое отношение к заключительной ремарке трагедии высказал в 1887 году П. О. Морозов. Публикуя заново «Бориса Годунова» в сочинениях Пушкина, изданных от имени Литературного фонда, П. О. Морозов сопроводил слова «народ безмолвствует» следующим примечанием: «В рукописи пьеса оканчивалась иначе:

Н а р о д

Да здравствует царь Димитрий Иванович!..

Пушкин должен был изменить это окончание, потому что оно было найдено „предосудительным в политическом отношении“.²³

Откуда П. О. Морозов взял известие о предосудительности рукописной концовки — здравницы в честь воцаряющегося Димитрия — остается неизвестным в такой же мере, как и вышеприведенное свидетельство П. В. Анненкова о замене возгласа ремаркой, произведенной будто бы «при печатании» пьесы. Нужно думать, что это была личная догадка П. О. Морозова, скорее всего основанная на его собственном истолковании «Замечаний», сделанных тем «верным» лицом, которому А. Бенкендорф по распоряжению Николая I поручил дать отзыв о возможности напечатания пушкинской трагедии: эти «Замечания» незадолго перед тем были впервые обнародованы М. И. Сухомлиновым.²⁴ Доверенный Бенкендорфа (Б. В. Томашевский и Г. О. Винокур считали, что им был Ф. Булгарин)²⁵ в своих «Замечаниях» сделал только один намек, который и мог дать П. О. Морозову повод для его заключения: отзываясь в общем благожелательно о «духе целого сочинения» Пушкина, автор «Замечаний» полагал, что в «Борисе Годунове» «только одно место предосудительно в политическом отношении: народ привязывается к самозванцу именно потому, что почитает его отраслью древнего царского рода». Этот упрек критика, уполномоченного III отделением, однако, едва ли мог иметь в виду концовку пьесы, в любом варианте которой трудно было бы упрекнуть Пушкина за намерение изобразить «привязанность» народа к Самозванцу; во всяком случае гораздо больше оснований для этого давали такие сцены, как «Севск», «Ставка» или «Лобное место».

Между тем у П. О. Морозова нашлись единомышленники. Так, рецензент редактированного им издания «Сочинений Пушкина» (1887 года),

²² См. К. П. Богаевская. Пушкин в печати за сто лет (1837—1937). Соцгиз, М., 1938, № 63, стр. 18—19

²³ Сочинения Пушкина, т. III, под ред. П. О. Морозова, СПб., 1887, стр. 76.

²⁴ Речь идет о «Замечаниях на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрешеве», давших Николаю I основания для запрещения пьесы. Впервые эти замечания опубликованы были М. И. Сухомлиновым в статье «Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина» («Исторический вестник», 1884, № 1, стр. 55—87), откуда они и должны были стать известными П. О. Морозову. Статья Сухомлинова вошла вскоре в его книгу «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению» (т. II, СПб., 1889, стр. 207—246). Позднее текст этих «Замечаний» воспроизводился несколько раз, всего исправнее — по подлиннику — Г. О. Винокуром в VII томе «Полного собрания сочинений» Пушкина (Изд. АН СССР, [Л.], 1935, стр. 412—415).

²⁵ Г. О. Винокур. Кто был цензором «Бориса Годунова»? В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 1. Изд. АН СССР. М.—Л., 1936, стр. 203—214.

характеризуя изменения в тексте, допущенные П. О. Морозовым после сверки его с рукописями поэта, писал: «Некоторые из этих поправок оказываются очень интересными. Таково, например, окончание „Бориса Годунова“, которое было изменено Пушкиным потому, что его нашли „предсудительным“ в политическом отношении... Первоначальная редакция, в которой народ, не рассуждая, приветствует самозванца, вполне согласуется с характеристикой того же народа в сцене на Девичьем Поле, где он плачет, а о чем — „то ведают бояре“...» «Нам кажется, — заключал свою мысль рецензент, — что г. Морозов напрасно отнес эту первоначальную версию в подстрочное примечание, оставив в тексте прежнюю фразу о безмолвии».²⁶ Вероятно, так думал и сам П. О. Морозов, потому что в одном из своих последующих изданий сочинений Пушкина (1903 года) при публикации «Бориса Годунова» он так и поступил: трагедию оканчивает возглас народной толпы в честь Самозванца, а ремарка «народ безмолвствует» отнесена в примечание.²⁷

Как видим, не прошло и пятидесяти лет с тех пор, как критики «Бориса Годунова» восхищались глубиной и многозначительностью его ремарки о народном безмолвии, а отношение к этой концовке резко изменилось; теперь ее считали лишней или вынужденной, оправдываемой лишь соображениями цензурной безопасности. Неудивительно, что некоторые исследователи даже пытались в то время примирить оба варианта окончания «Бориса Годунова» — рукописный и печатный, заявляя, что они не видят особых различий между ними. В таком именно смысле высказывался в своей известной лекции о «Борисе Годунове» И. Н. Жданов в 1892 году. «На каком бы из этих двух вариантов мы ни остановились, — говорит он, — сущность дела не меняется». «Крик народа, который перед тем „в ужасе молчал“, не указывает, конечно, на перемену настроения народной массы; за этим вынужденным криком кроется все тот же ужас, на который указывает и „народное безмолвие“. Этот ужас, это безмолвие — немой приговор самозванцу».²⁸ Если критики 30—40-х годов воспринимали народные сцены трагедии как удавшиеся Пушкину и очень важные для ее структуры, то полстолетия спустя русские критики, напротив, указывали на эти же сцены как на неудачные, а изображение народа считали зыбким, неотчетливым. А. Незеленов, например, полагал, что народ изображен в «Борисе Годунове» «не совсем удачно; но взгляд поэта на него объективен и сочувствен, и многое в его жизни подмечено верно». «Во всех народных сценах трагедии Пушкин рисует разнообразие душевных движений в народной массе, — рассуждает А. Незеленов далее... — поэт указывает и на проявление зверских инстинктов в массе... но этот же самый народ отвечает знаменательным высоко-нравственным безмолвием, когда клеветы самозванца, убив Федора и мать его, предлагают приветствовать нового царя, таким кровавым путем восходящего на престол». В итоге всех этих наблюдений А. Незеленов приходит к следующему, весьма странно звучащему в наше время выводу: «Судя по тому, что трагедия заканчивается именно этим народным безмолвием, народным обращением от кровавого дела, можно думать, что поэт признавал преобладание в народе добрых начал над злыми; — но вообще

²⁶ «Дело», 1887, № 1, четвертая пагинация, стр. 20.

²⁷ Пушкин, Сочинения и письма, СПб., 1903, т. III, стр. 354, 639. В вышедшем в том же году новом издании под редакцией П. А. Ефремова (Сочинения Пушкина, т. III, изд. А. С. Суворина, СПб., 1903, стр. 162) сохранена ремарка «народ безмолвствует»; в сноске к ней отмечено: «В рукописи первоначально было: „Н а р о д. Да здравствует царь Дмитрий Иванович!“ и затем приписано: „Конец комедии, в ней же первая персона царь Борис Годунов. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь“». Об этом писал еще М. И. Сухомлинов (см.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. II, стр. 235).

²⁸ И. Н. Жданов. О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». СПб., 1892. стр. 35.

народ изображен в трагедии не настолько ярко и художественно, чтобы сделать решительное заключение о взгляде на него поэта»²⁹

Достаточно близок был к этой точке зрения также Н. А. Котляревский, находивший известное оправдание для Пушкина в трудных и жестких цензурных условиях, которые были для его творчества столь стеснительными; Н. А. Котляревский считал, что Пушкин будто бы вынужден был отодвинуть народ с первого плана на самый дальний: поэт, по его словам, «даже отнял у народа последнюю реплику в тот момент, когда народ, конечно, не мог молчать... Молчание народа в данной сцене было очень эффектно и благородно, но оно в сущности ничего не выражало, ни осуждения совершившегося факта, ни привета ему. А поэту несомненно представлялся в этой сцене удобный случай дать живую картину народной психики и яркий образчик народного образа мыслей».³⁰

«Эффектным», но, следовательно, незакономерным и неестественным по существу находил народное «безмолвие» еще Н. К. Михайловский, который шел дальше многих других критиков в своих сомнениях, какой «народ» изображен Пушкиным в его трагедии и можно ли это изображение считать удачным вообще. «...Как много путаницы в наших разговорах о народничестве и о многом другом происходит оттого, что под словом „народ“ мы сплошь и рядом безразлично разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно „мужика“, то „чернь“, „простонародье“, то представителей труда, то толпу, которая так эффектно „безмолвствует“ в последней строке пушкинского „Бориса Годунова“, — писал Н. К. Михайловский и, снова возвращаясь к параллелям из драм Шекспира к пушкинской трагедии, приходил, в конце концов, к весьма пессимистическим заключениям о понимании как Шекспиром, так и Пушкиным психологии народной массы: «...везде народ оказывается легко возбудимой, быстро меняющею настроением массой, в которой бесследно тонет всякая индивидуальность, которая „любит без толку и ненавидит без причины“ и слепо движется в том или другом направлении, данном каким-нибудь, ей самой непонятным толчком. Очевидно, это какой-то условный, отвлеченный народ, вернее сказать, художественное воспроизведение одной лишь черты или одной группы черт народа. Известно, как высоко чтит Пушкин, например, народное поэтическое творчество; он, следовательно, предполагал в народе известные силы, не нашедшие, однако, себе выражения в „Борисе Годунове“».³¹

Рассуждения этого рода подрывали представление о социальной зорливости Пушкина и о том значении, какое «народ» играет в его тра-

²⁹ А. И. Незеленов, Полное собрание сочинений в шести томах, т. I (Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности), СПб., 1903, стр. 260—261.

³⁰ Нестор Котляревский. Литературные направления Александровской эпохи. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 213—214.

³¹ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. «Русское богатство», 1893, № 4, стр. 124—126. Стоит отметить, что семантика слова «народ» в литературном языке XVIII—XIX века хорошо изучена и что у нас нет никаких сомнений в том, как это слово понимал Пушкин. Ю. Д. Соболева в статье «Из истории общественно-политического лексика XVIII века» («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1958, т. 173, кафедра русского языка, стр. 144—145) отметила, что в широком круге значений, какие слово «народ» имело у нас в XVIII веке («жители страны, государства», «простой народ», «племя, народность», «люди»), значение «простой народ» первоначально не было широко употребительно, хотя в таком смысле оно встречается иногда и в сатирических журналах Н. И. Новикова и у Радищева; «более употребительным оно становится в XIX веке, и в таком смысле («основная масса трудового населения, „простонародье“» (в основном крестьянство и мещанство)) мы находим его и у Грибоедова и у Пушкина (см.: Словарь языка Пушкина, т. II, стр. 725).

гедии;³² в этих условиях прежний смысл концовки о «безмолвии» и придававшееся ей значение исчезали почти вовсе и усиливалось мнение в пользу того окончания пьесы, какое находится в ее рукописях (возглас в честь Самозванца).

Н. П. Павлов-Сильванский в своей известной статье о «Борисе Годунове», впервые опубликованной в 1908 году во втором томе сочинений Пушкина (под редакцией С. А. Венгерова), говоря о заключительной сцене трагедии, был близок в своем истолковании ее к цитированному выше мнению П. О. Морозова. Н. П. Павлов-Сильванский склонялся к мысли, что слова Мосальского, бездумно, бессмысленно повторенные стоящим в Кремле народом, «еще сильнее оттеняли почти автоматическую покорность народа внушениям власти, чем знаменитая фраза: „народ безмолвствует“, которой заканчивается печатный текст». Он считал также, что «в этой роли угнетенного до потери политического сознания, до равнодушия к переменам на престоле, и выступает народ неизменно во всей трагедии, как „бессмысленная чернь“, которая

Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна.

Таким является народ в первых сценах трагедии, при избрании царя Бориса; таков же он и в последних сценах, при воцарении Лжедмитрия... Пушкин ярко оттеняет эту пассивность...³³ Именно такое понимание ремарки о безмолвии народа зафиксировал Н. С. Апукин в книге о русских «крылатых словах»; утверждая, что эта ремарка стала общеупотребительным в русском языке крылатым выражением, он заметил: «... употребляется как характеристика бесправного положения народа в условиях политической реакции, а также иронически по отношению к людям, упорно хранящим молчание при обсуждении чего-либо».³⁴

Возможно, конечно, что с таким именно значением фраза «народ безмолвствует» употреблялась в русской публицистике и ораторской речи в условиях политической реакции в России между двумя революциями — 1905 и 1917 годов. Однако не может не броситься в глаза, что такое истолкование вступает в явное противоречие со смыслом, который вкладывали в эти слова и Пушкин, и первые их интерпретаторы. Между бессмысленным повторением народом возгласа, нужного правителю, захватывающему власть, и тяжким, грозным, зловещим молчанием, которое чревато предчувствием «новой Немезиды» — неотвратимого грядущего возмездия, — целая пропасть. А между тем и Пушкин говорил о «народной Немезиде». Вспомним, например, стихи из «Бородинской годов-

³² Впрочем, еще в 60-е годы русские критики не очень лестно отзывались о понимании Пушкиным народа и свойственных ему психических особенностей. В. Водозовов в книге «Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно)» (СПб., 1866, стр. 201—202) подчеркивал, что «во многих... отношениях» идея «Бориса Годунова» «не вяжется с историческим развитием событий»: народ, например, будто бы «представлен... слепым орудием судьбы, с его беспричинной ненавистью к Борису, или является пассивным зрителем происходящего пред его глазами, или бессмысленно действует по боярскому наказу. В большей части случаев он напоминает толпу, которую выводят на сцену для декоративных целей и именуют в афишах словом: „народ“».

³³ Пушкин, т. II, изд. Брокгауз—Ефрон, СПб., 1908, стр. 310; вошло в книгу: Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб., 1910, стр. 289—303.

³⁴ Н. С. Апукин, М. Г. Апукина. Крылатые слова. Изд. 3-е, изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 427.

щины» того же 1831 года, когда вышло в свет первое издание «Бориса Годунова»:

Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица...

Обращает на себя внимание и тот факт, что когда П. О. Морозову пришлось еще раз издавать под своей редакцией «Бориса Годунова» в 1916 году, то он, говоря в комментариях к последней сцене о ее рукописном и печатном вариантах, с меньшей категоричностью, чем раньше, высказывал догадку о цензурном происхождении печатной концовки. «Трудно сказать решительно, вызвана ли замена приветственных криков народа — безмолвием требованиями цензуры или сделана Пушкиным добровольно», — писал П. О. Морозов на этот раз. При этом он делал все же следующую оговорку: «Нельзя, однако, упускать из вида, что чиновник III Отделения, составивший официальный отзыв о *Борисе Годунове*, находил привязанность народа к Самозванцу „предосудительною в политическом отношении“. Приветствия народа находят себе косвенное подтверждение в отзывах о „черни“ Бориса и Шуйского и напоминают поведение толпы в *Генрихе VI* Шекспира (часть II, действие IV, сцена 8-я)... Заключительная сцена трагедии Пушкина могла быть подсказана изучением Шекспира».³⁵

По поводу концовки «Бориса Годунова» П. О. Морозов высказался еще раз в специальной статье «Безмолвие народа» (1919) в сборнике материалов к постановке «Бориса Годунова», изданном в серии «комментариев к пьесам Цеха Мастеров Сценических Постановок». В этой статье П. О. Морозов сформулировал шесть отдельных пунктов, где перечисляются доказательства против ремарки «народ безмолвствует» и в пользу приветственного возгласа «царю Дмитрию Ивановичу».³⁶ «В нашем издании принят этот последний вариант», — пишет Морозов и приводит ряд соображений в подтверждение правильности своего выбора. Необходимо познакомиться хотя бы с некоторыми из его доказательств, имеющих, как мы видели, весьма длинную историю (с 1887 года). В первом из своих положений Морозов пишет: «1) В обеих рукописях „Бориса“, содержащих в себе полный текст драмы (Моск. Публ. и Рум. Муз. № 2392 и ф-псь Росс. Публ. Б-ки), она оканчивается приветствием народа без каких бы то ни было помяток. Народ „безмолвствует“ только в печатном издании 1831 г., которое, как известно, явилось результатом некоторого „очищения“ пьесы по требованию высшей цензуры; 2) Поводом к замене приветствия безмолвием могло послужить замечание чиновника III Отделения С. Е. И. В. Канцелярии... что „привязанность“ народа к Самозванцу является предосудительною в политическом отношении“».

В пунктах 3-м и 4-м обращается внимание на то, что в сценах на Девичьем поле и предпоследней у Лобного места «народ ведет себя также мало сознательно», например, «после обращения к нему Григория Пушкина, кричит: „Да здравствует Дмитрий, наш отец!“ (заимствовано у Карамзина) и затем „несется толпою“ по призыву взойшедшего на амвон мужика — „вязать Борисова щенка“. Это — как бы иллюстрация к словам Шуйского (сцена в царских палатах): „бессмысленная чернь... мгновенному внушению послушна“».

³⁵ Сочинения Пушкина, т. IV, изд. имп. Академии наук, Пгр., 1916, стр. 112—113. Цитата из указанной сцены «Генриха VI» имеет в виду только легкость и переменчивость, с которой из толпы приветствуют то «бунтовщика» Кеда, то законного короля без видимых на то оснований.

³⁶ «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Материалы к постановке под редакцией В. Мейерхольда и К. Державина. [Пб], МСМХІХ, стр. 5—7.

Все эти соображения приводились уже критиком и ранее, последний 6-й пункт доказательств П. О. Морозова представляет собою повторение его же тезиса о том, что образцом для Пушкина будто бы послужил Шекспир, который «во всех своих пропозведениях, где выводится на сцену народная толпа, всегда подчеркивает ее изменчивость и ненадежность».

Лишь в 5-м пункте своих доказательств П. О. Морозов высказывает нечто новое, но, впрочем, столь же мало убедительное, как и все другие его домыслы: «В той же самой заключительной сцене „Бориса“, которая служит предметом нашего объяснения, народ, выслушав заявление Мосальского о том, что „Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом“, — „в ужасе молчит“. Повторение через две строчки: „молчит“ и „безмолвствует“ — едва ли может быть оправдано с художественной точки зрения». Это соображение как основанное исключительно на субъективном эстетическом впечатлении доказательством служить не может; можно привести и соображения противоположного характера — о намеренном авторском замысле подчеркнуть соответствие слов о молчании от ужаса и сознательном безмолвии для обоюдного их усиления. Это несомненно почувствовал и П. О. Морозов, так как в заключении своей статьи он писал: «Но, с другой стороны, и „безмолвие“ народа, появившееся в заключительной строке пьесы, может быть, и против воли автора, находит себе некоторое объяснение в том обстоятельстве, что толпа, пораженная ужасом при неожиданной вести о гибели Годуновых, не сразу может опомниться. Притом, это безмолвие, как известно, освящено давнею литературною традицією и отзывами критики, увидевшей в нем выражение глубокой политической и нравственной мысли».

Все приведенные соображения, помещенные в сборнике материалов для постановки «Бориса Годунова» на драматической сцене, предваряли и оправдывали указания режиссерского характера, из которых также небесполезно привести небольшую выдержку: «Нельзя также не заметить, что изображаемая на сцене толпа вообще никогда не должна представлять собою вполне однородную массу. Наоборот, правила реальной сценической постановки требуют известной индивидуализации, — выделения на общем фоне отдельных личностей или групп. Поэтому нам кажется, что руководитель рассматриваемой сцены поступил бы целесообразно, если бы заставил одну часть „народа“ кричать немедленно и как можно громче, другую — нерешительно присоединяться к этим крикам, а третью — и вовсе молчать. Такое разделение, по-видимому, было бы согласно и с характером толпы, и с исторической правдою»³⁷ Ссылка на «историческую правду», вероятно, справедлива, но нельзя не признать, что во всем остальном, давая совет постановщику, старый комментатор «Бориса Годунова», в сущности, шел на компромисс и невольно сдавал свои прежние позиции. В истории любого театра известно немало таких примеров, когда сценическая практика подсказывала весьма существенные аргументы в пользу того или иного истолкования драматургического текста или сценической ремарки. В данном случае мы наблюдаем нечто совершенно противоположное: сценическое воплощение пушкинской трагедии было беспильно повлиять на то или иное решение в спорах о правильности понимания той или иной концовки «Бориса Годунова»: апелляция филологов к сценическим деятелям за разъяснениями была бы на этот раз практически бесполезной.³⁸

³⁷ Там же, стр. 7

³⁸ Не следует забывать также, что опыты постановок на драматических сценах пушкинского «Бориса Годунова» были редкими и долго не приводили к успешным результатам. С Н. Дурылин, проследивший историю сценического воплощения «Бориса Годунова» начиная от первой постановки его в 1870 году, утверждает, что и в театрах заключительная сцена трактовалась различно, в соответствии с понима

3

Какой же из двух вариантов окончания «Бориса Годунова» следует считать основным и как возникла появившаяся в печатном тексте замена одной концовки другой? В настоящее время нам довольно хорошо известны как хронология всех этапов создания трагедии, так и соответствовавшая им картина постепенного видоизменения ее текста. Беловой список трагедии имеет дату, поставленную самим Пушкиным: 7 ноября 1825 года; в сентябре—октябре 1826 года состоялись чтения пьесы в московских литературных кружках. Уже тогда Пушкин сделал первые шаги для подготовки ее к изданию: в Москве же, где Пушкин оставался до начала ноября 1826 года, с автографа «Бориса Годунова» была сделана писарская копия. «Замечания» по поводу автографической рукописи заказаны были Бенкендорфом в Петербурге после 9 декабря того же года, когда он известил Пушкина о получении рукописи и о том, что она будет представлена государю. Запрещение опубликования трагедии Николаем I было подготовлено докладной запиской Бенкендорфа: «Во всяком случае эта пьеса не годится для сцены, но с немногими изменениями ее можно напечатать; если ваше величество прикажете, я ему верну и сообщу замечания». Уже 14 декабря 1826 года Бенкендорф сообщил Пушкицу высочайшее решение, но текст «Замечаний» до его сведения не довел; он указал лишь (в соответствии с этими «Замечаниями») несколько мест, «требующих некоторого очищения». На это Пушкин ответил Бенкендорфу 3 января 1827 года, что не может переделать однажды им написанное. В последующие годы в печати появились лишь некоторые отрывки и сцены из «Бориса Годунова». Лишь в 1829 году Пушкин возобновил попытки добиться напечатания трагедии в полном виде.

Перед отъездом на Кавказ в действующую армию Пушкин передал свою рукопись Жуковскому с тем, чтобы он, «пересмотрев еще поправленное сочинение, принял на себя труд заготовить чистый экземпляр, в каком виде полагает лучше издать его». 20 июля 1829 года П. А. Плетнев представил рукопись «Бориса Годунова» в III отделение; 10 декабря о ней доложено было Николаю I, который снова потребовал ее просмотра доверенными лицами и, хотя сам, по-видимому, рукописи не читал, обязал поэта сделать перемены нескольких «слишком тривиальных мест». Лишь 28 апреля 1830 года от имени императора было дано разрешение на печатание трагедии, но «под собственную ответственностью» автора. Книга печаталась в типографии департамента народного просвещения и выпущена была в свет в начале января 1831 года под нынешним заглавием и пометой вместо цензурного разрешения: «с дозволения правительства».³⁹

нием самой идеи пушкинской трагедии. В ранних постановках («за исключением постановки Художественного театра, 1907) „народ безмолвствовал“ не только в последней сцене, но во всей трагедии и „безмолвствовал“ не только из-за цензурных вымарок народных сцен, но и оттого, что постановщики не сознавали первоиспенной, ведущей роли народа в трагедии Пушкина». Только в советскую эпоху сообразно с новым, углубленным постижением трагедии и ее «общественно-политического стержня» «выдвинулось на первый план то действующее лицо трагедии, которое было или вовсе не замечено, или отодвинуто на задний план в старых постановках трагедии Пушкина. Это лицо — народ». В постановке Ленинградского театра драмы имени Пушкина (1934), по свидетельству С. Н. Дурылина, «наиболее замечательными... были... народные сцены и наиболее удачными из них оказались как раз те, в которых народ пробуждается к живому историческому действию». Удалась «труднейшая сцена „Лобное место“ с ее призывом к «мятежу» «А следовавшая за ней народная сцена „Дом Борисов“ с ее знаменитым финалом „Народ безмолвствует“ захватывала не менее грозным народным молчанием» (С. П. Дурылин и Н. Пушкин на сцене. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 148, 152).

³⁹ Приведенные здесь факты и даты неоднократно сообщались исследователями; они выверены мною по комментарию к «Борису Годунову», составленному Г. О. Ви-

Эта хронологическая справка в особенности интересна потому, что она усиливает наглядность того существенного для нас факта, что ни на одном из указанных выше этапов довольно длительной творческой истории «Бориса Годунова» ни один из дошедших до нас документов, ни одно из сохранившихся свидетельств не упоминает интересующую нас концовку о народном безмолвии. Как мы уже упоминали выше, остается неизвестным, на каком основании П. В. Анненков утверждал, что эти слова вставлены в текст при «печатании драмы»; к сожалению, он не пояснил, кем они вставлены, при каких обстоятельствах, а также не указал, на чьем свидетельстве он основывался; как известно, сам Пушкин за ходом печатания драмы не наблюдал и корректур ее не читал.⁴⁰ «Цензура» на этот раз была особая, и какой-либо след замены концовки или обсуждения ее во время печатания пьесы должен был сохраниться в соответствующих документах из дела о ходе выпуска книги в свет, на этот раз дошедших до нас в сравнительно большом количестве.⁴¹ Напомним также, что заказанные III отделением «Замечания» о рукописи «Бориса Годунова», в одном из которых П. О. Морозов усматривал повод для замены Пушкиным одной концовки другой, Пушкину известны не были: кроме того, «Замечания» эти представлены были Бенкендорфу в 1826 году, за четыре года до появления драмы в печати, и перед сдачей в типографию новой исправленной рукописи едва ли кем-либо просматривались заново. Г. О. Винокур писал в своем комментарии к «Борису Годунову» в академическом издании, имея в виду заключительную сцену трагедии: «Цензура никакого внимания на это место рукописи не обратила, так что никаких внешних побуждений исправлять его у Пушкина не могло быть. Еще меньше оснований предполагать, что первоначальный вариант написан специально для цензуры, а позднейший Пушкин держал про себя впрок, так как рукопись (беловой автограф с поправками Пушкина и Жуковского, — М. А.) ... в момент своего заполнения, особенно же ее последняя третья тетрадь, меньше всего предназначалась для цензуры».⁴²

Таким образом, после всех указанных разъяснений не приходится доказывать, что ремарка «народ безмолвствует» принадлежит Пушкину, что она органически заключает авторский текст пьесы; по поводу же того, когда эта ремарка заместила в последней сцене эхо приветственного возгласа Мосальского Самозванцу, приходится строить только догадки: никакими документальными данными мы не располагаем.

Пушкиноведа-текстологи давно уже призывали к сугубой осторожности при пользовании теми вариантами основного текста, которые имеются только в печатном издании «Бориса Годунова», но отсутствуют в обеих дошедших до нас полных рукописях трагедии. Среди этих вариантов печатного текста есть ряд таких, которые возникли либо в результате опечаток или опусков, либо благодаря исправлениям Жуковского. Не может быть сомнения, что интересующая нас ремарка «народ безмолвствует» не принадлежит к вариантам этого рода. По мнению того же Г. О. Винокура, «нет... никаких оснований заподозривать авторское происхождение знаменитого: „Народ безмолвствует“, и эта фраза должна быть оставлена в основном тексте как принадлежащая к исправлениям самого Пушкина».⁴³ Что же касается того, в какой рукописи находилась

нокуром и напечатанному в VII томе «Полного собрания сочинений» Пушкина (Изд. АН СССР, [Л.], 1935, стр. 415—427).

⁴⁰ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 430.

⁴¹ См.: Н. К. Замков. Архивные мелочи о Пушкине. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXIX—XXX. Пгр., 1918, стр. 67—68.

⁴² Пушкин и Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 430.

⁴³ Там же

эта авторская поправка, то об этом можно высказать довольно правдоподобное предположение. В письме на имя А. Х. Бенкендорфа от 16 апреля 1830 года Пушкин просил довести до сведения государя, что он умоляет его развязать ему руки и позволить напечатать трагедию такую, как он считает это нужным (подлинник — по-французски), а в начале мая того же года уже спешил поделиться своею радостью с П. А. Плетневым из Москвы: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте... Слушай же, корчилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благолетель, явись к Ф.<он> Ф.<оку> и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?)»; Плетнев отвечал Пушкину, что письменного дозволения от фон Фока (управляющего III отделением, — М. А.) брать не считает нужным. «потому что он же подпишет рукопись для печатания». О какой рукописи идет речь? Принято считать, что именно эта рукопись, с которой, вероятно, и производился набор, до нас не дошла. Обе сохранившиеся рукописи трагедии не могли быть тем оригиналом, который поступил в типографию; в них имеются варианты, в печатный текст не попавшие. Пушкин мог посылать только копию белого автографа, по мнению Г. О. Винокура, «снятую во время его пребывания на Кавказе, и именно в этой рукописи, до нас не дошедшей, он очевидно наносил те поправки, о которых пишет Плетневу».⁴⁴ В ней же должна была стоять и концовка «народ безмолствует». Если такая догадка правильна, то новый вариант концовки занесен был в рукопись не позже августа 1829 года.

До появления обстоятельного комментария к «Борису Годунову» Г. О. Винокура в 1935 году история текста трагедии, а также результаты сопоставления всех ее рукописей в связном и полном виде не излагались (если не считать «крайне неудовлетворительного», по словам Винокура, текстологического раздела в комментарии к IV тому академического издания сочинений Пушкина 1916 года). Это и было одной из существенных причин появления весьма разноречивых или прямо ошибочных суждений о происхождении и смысле концовки «о безмолвующем народе», из которых часть уже была нами изложена выше. Споры о заключительной ремарке, впрочем, продолжались и после того, как нам стали лучше известны хронология создания и публикации трагедии, ее цензурные мытарства, многие особенности и варианты ее текста.⁴⁵ Характерно, однако, что хотя и после издания 1935 года допускались произвольные и необоснованные истолкования интересующей нас заключительной строки,⁴⁶ но не сделано было ни одной попытки объявить ее не-автор-

⁴⁴ Там же, стр. 427. Современники Пушкина несомненно ошибались, утверждая, что в руках В. А. Жуковского находилась рукопись «Бориса Годунова» с пометами Николая I и что сам государь собственноручно отчеркнул красным карандашом некоторые места трагедии (см.: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. В кн. «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 515, 533—534). Тем не менее еще 22 марта 1837 года А. В. Никитенко сделал такую запись в своем дневнике: «Был у В. А. Жуковского. Он показывал мне „Бориса Годунова“ Пушкина в рукописи с цензурой государя. Много вычеркнуто» и т. д. (А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. I. М., 1955, стр. 198).

⁴⁵ Д. Благой усматривал в «Борисе Годунове» «сплав» весьма противоречивых воззрений на народ, который был свойствен декабристам: по его мнению, «борьба в самом Пушкине между этим двойным отношением к народу сказывается с особой отчетливостью в двух последовательных вариантах конца пьесы» (Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Этюды. Изд. 2-е, М., 1931, стр. 69).

⁴⁶ Н. Н. Арденс, говоря о концовке, подчеркивает, что «это — знаменательная ремарка Пушкина, пришедшая ему в голову после ряда творческих колебаний и удачно передавшая последний этап мысли художника». Комментируя далее эту концовку, Н. Н. Арденс не только возвращается к старому толкованию «безмолвия» Белинским («Это — грозное, предостерегающее безмолвие... призыв Мосальского остается без ответа. Народу надо подумать. Народ думает над своею будущностью. В его молчании слишком много слов» и т. д.), но легкомысленно утверждает даже, что Николай I «читал трагедию Пушкина» и будто бы со страхом «всматривался

ской, не-пушкинской концовкой, результатом вмешательства в пушкинский текст постороннего лица. Напротив, принадлежность ее Пушкину считалась незыблемой, несмотря даже на отсутствие ее в дошедших до нас авторских рукописях. По этому поводу Г. О. Винокур писал в своем комментарии, что если «политическое содержание Б. Г. несколько не меняется от того, как заканчивается трагедия, потому что оно определяется всей идейной концепцией и всем текстом трагедии, а не одной этой строчкой»,⁴⁷ то «художественная выразительность» ее «конечно, во многом меняется в зависимости от того, какой из этих двух вариантов считать основным. В этом отношении восторженная оценка варианта: „Народ безмолвствует“, данная Белинским, не потеряла своего значения до нашего времени: трудно действительно допустить, чтобы этот конец был придуман для Пушкина кем-нибудь другим. Во всяком случае является совершенно бесспорной принадлежность этого варианта именно основной редакции Б. Г.»⁴⁸

Свое значение при утверждении авторства Пушкина имели также догадки об источниках, которые могли внушить Пушкину интересующую нас ремарку. Большинство исследователей последних десятилетий пыталось найти этот источник у Карамзина, прежде всего, конечно, в его «Истории государства Российского». Г. О. Винокур в своем комментарии писал об этом следующее: «Что касается заключительной реплики „Народ безмолвствует“, то возможно, что и она навеяна Карамзиным, у которого встречается это выражение, правда, в совершенно ином контексте, при описании суда над Василием Шуйским при Самозванце...»⁴⁹ Цитата, которую приводит при этом Г. О. Винокур («Народ безмолвствовал в горести, издавна любя Шуйских»), действительно не имеет ничего общего с пушкинской ремаркой и ничего в ней не поясняет. Гораздо подробнее на сопоставлениях концовки «Бориса Годунова» с текстами Карамзина останавливался Б. П. Городецкий. Еще в статье 1936 года он утверждал, что «формула „безмолвие народа“ вообще характерна для „Истории Государства Российского“ Карамзина», и подкреплял это наблюдение целым рядом примеров, извлеченных из этого труда («Наконец Борис венчался на царство еще пышнее и торжественнее Феодора... Народ благоволил в безмолвии»; «...и молчанье народа, служба для царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердцах россиян: они уже не любили Бориса!»). «Мы видим, — заключал отсюда Б. П. Городецкий, — что даже у Карамзина эта формула могла выражать и активное осуждение... и столь же активное приятие». Наконец, по его же мнению, «оба окончания „Бориса Годунова“ имеют непосредственные параллели у Карамзина», что иллюстрируется следующей цитатой: «Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: „Да здравствует же отец наш, государь Дмитрий Иоаннович!“ Другие еще безмолвствовали в изумлении».⁵⁰ Те же цитаты, но с разви-

в ее конец» (Н. Н. Арденс. Драматургия и театр А. С. Пушкина. «Советский писатель», М., 1939, стр. 123) Эти домыслы представляются чистой, беспримесной фантазией.

⁴⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 430. Такая точка зрения была уязвимой и действительно вызвала возражения. Так, В. Лаврецкая в книге «Произведения А. С. Пушкина на темы русской истории» (Учпедгиз, М., 1962, стр. 40) заметила по поводу данного утверждения Г. О. Винокура, что с ним «никак нельзя согласиться». По ее мнению, «бесспорно прав Д. Д. Благой, что старый вариант концовки означал бы, что „народ решительно ни в чем не изменился, что опыт народного волнения, народного мятежа прошел для него бесследно“».

⁴⁸ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 431.

⁴⁹ Там же, стр. 476.

⁵⁰ Б. П. Городецкий. «Борис Годунов» в творчестве Пушкина. В кн.: «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Сборник статей под общей редакцией К. Н. Дерягина. Л., 1936, стр. 39—40. В своей лекции «Драматургия Пушкина» (Л., 1949,

тнем тех выводов, которые можно сделать из собранных примеров, мы находим также в монографии Б. П. Городецкого о «Борисе Годунове» 1953 года. Хотя в этой работе исследователь снова настаивал на том, что «окончание трагедии в обоих своих вариантах имеет соответствия в повествовании Карамзина», он признавал уже, что «формула „безмолвие народа“ в ее „специфически-карамзинской трактовке“ «глубоко отлична» от пушкинской.⁵¹ В другом месте той же своей работы, возвращаясь к вопросу об изменении Пушкиным окончания трагедии в 1829 году, Б. П. Городецкий подчеркивал: «Это — самый значительный и самый интересный момент из всех изменений, внесенных Пушкиным в окончательный текст трагедии. . . Здесь Пушкин нашел новую гениальную формулу, не только не противоречащую всей исторической концепции трагедии в целом и не приглушающую политическую остроту ее, но, наоборот, подчеркивающую ее и придающую всему произведению еще более глубокий смысл».⁵²

Таким образом, в конце концов кажущаяся текстуальная близость в формулах о народном безмолвии у Карамзина и Пушкина перестала играть сколько-нибудь существенную роль в истолковании печатной концовки «Бориса Годунова». В данном случае Пушкин едва ли вдохновлялся Карамзиным, поскольку последний говорит о безмолвии народа как о выражении покорности, удивления или печали, а не осуждения или гнева:⁵³ для Карамзина народ — опора самодержавной власти и «воплощение идеи справедливости, а отнюдь не решающая историческая сила». «Вот почему в „Истории Государства Российского“ о вмешательстве народа в дела государственные рассказано так, что снижается и значение, и активность этого вмешательства»; отсюда делал вывод, что если «Пушкин показал в неодобрительном безмолвии народа такую силу, которой не в состоянии управлять ни царь, ни бояре», то это произошло под воздействием дополнительных источников, полнее раскрывавших перед ним, чем это делал Карамзин в своей «Истории», сложный характер народных движений на Руси в начале XVII века: «Такой взгляд на историческую роль народа могло подсказать Пушкину чтение летописных сказаний о Смутном времени, в которых не раз говорится об активном вмешательстве народа в дела государства»;⁵⁴ такова, напри-

---

стр. 17—18) Б. П. Городецкий, лишь вскользь упомянув Карамзина, отмечал большое значение заключительной сцены «Бориса Годунова» для понимания мировоззрения Пушкина: «Народ победил, но не мог воспользоваться плодами своей победы. Положение его осталось тем же: „Народ в ужасе молчит“»

В этом финале — ключ к пониманию не только „Бориса Годунова“, но и тех социально-политических и историко-философских взглядов, к каким пришел Пушкин к кануна декабрьских событий, и которые — особенно в свете трагедии на Сенатской площади — надолго определили направление его социально-политических и историко-философских исканий в последекабрьский период.

⁵¹ Б. П. Городецкий. Драматургия Пушкина. Изд. АН СССР. М.—Л., 1953, стр. 177—178.

⁵² Там же, стр. 237.

⁵³ К подтверждающим это наблюдение цитатам из «Истории государства Российского» можно добавить ссылку на историческую повесть «Марфа Посадница, или покорение Новгорода». Рассказывая о падении высокой башни Ярославовой с вечевым колоколом, Карамзин пишет: «Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют», и добавляет в примечании: «Летописи наши говорят о падении повой колокольни и ужасе народа»; ср. там же: «Унылое молчание царствует на Великой площади, я вижу знаки отчаяния на многих лицах».

⁵⁴ М. Б. Рабинович. «Борис Годунов» Пушкина, «История» Карамзина и летописи в кн.: Пушкин в школе. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского и В. В. Голубкова. Изд. АПН РСФСР, М., 1951, стр. 316—317. О. А. Державина. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и русские исторические повести начала XVII века. «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. 43, вып. 4, 1954, стр. 141—162.

мер, «Летопись о многих мятежах и о разорении московского государства...», изданная Н. Новиковым (в 1771 и 1788 годах).⁵⁵

В результате всех перечисленных выше исследований было прочно установлено, что основу пушкинской трагедии составляет взаимоотношение самодержавной власти и народа и что в конфликте между ними победу одерживает именно народ. Г. О. Винокур обращал внимание на тот многозначительный факт, что в «Борисе Годунове» «„народ“ значится как отдельный персонаж в списке действующих лиц... и в таком же качестве фигурирует в авторских ремарках трагедии».⁵⁶ Последующие исследователи стремились представить себе, что думал Пушкин о характере русского народа и в какой связи это находилось с развитием политического мировоззрения поэта. «Народ в „Борисе Годунове“ показан столь же сложно, как и царь. Народ — сила и творец истории, суть государства. Вместе с тем, он — потенциальная сила революции. Он готов восстать, и дело не в поводах, а в стремлении народа свергнуть тиранию», — писал, например, Г. А. Гуковский. Проанализировав роль, которую народ играет в развитии действия и в структуре трагедии, он подчеркивал, что итог драмы нужно рассматривать в тесной связи с ее началом, так как между ними существует преднамеренный параллелизм: «Трагедия закончилась точно тем, чем она начиналась. Мы вернулись к исходной ситуации. Опять народ в оковах (победа его восстания обернулась против него). Опять бояре ведут политические интриги. Опять они лгут перед народом. Опять на престол вступает новый царь, поставленный боярами и ненужный народу, ибо Самозванец превратился в царя тирана. Опять новый царь вступает на трон через убийство, через кровь, и опять невинную кровь. Опять еще до начала царствования начинается цепь преступлений царя. И уже опять повторяется история отношения народа к Борису: народ, посадивший на трон Дмитрия, уже „в ужасе молчит“, и затем „народ безмолвствует“. И мы уже предвидим новый взрыв ненависти народа к новому царю — и опять гибель царя». «Так в трагедии Пушкина срывается народная победа. — заключает Г. А. Гуковский. — Вся мощь народа и вся сила его ненависти к царю неспособна изменить положения вещей в стране. Пушкин и в своем изучении проблемы народа преодолел метафизичность представлений о нем. Он показал, что свойства народа вообще не исчерпывают вопроса; что история определяет условия успешности восстаний, и в России XVII, как и начала XIX века; в 1825 году условий для успешности революции он не нашел. Это и была его трагедия. Но это было связано и с завоеванием понимания народа, как конкретной драматической силы, и с завоеванием реально-исторического мышления в политических вопросах; это было движение вперед по пути углубления передовой мысли, уже демократической в своем существе».⁵⁷

По мнению новейших исследователей, «Борис Годунов» — драма сугубо «политическая» на тему о постепенном падении авторитета самодержавной власти и роли в этом процессе народного мнения. Для многих современников Пушкина «Борис Годунов» действительно представлялся произведением с ярко злободневным содержанием и проблематикой, имевшей соответствие с некоторыми сенсационными произведениями современной французской литературы, например с «Баррикадами 1830 года» поэта-песенника Эмиля Дебро, где, по словам П. А. Катенина, сделавшего это сопоставление, изображена «последняя революция париж-

⁵⁵ См.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 466.

⁵⁶ Там же, стр. 488.

⁵⁷ Г. А. Гуковский. «Борис Годунов» Пушкина. В кн.: Русские классики и театр. Изд. «Искусство», Л.—М., 1947, стр. 272, 283—284; вошло в его книгу «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (Гослитиздат, М., 1957, стр. 9—72).

ская». ⁵⁸ Сопоставление «Бориса Годунова» с русскими драматическими произведениями 20-х годов также свидетельствует о том, что трагедия Пушкина представляла собою вершину русской исторической драматургии той поры, разрабатывавшей, в частности, проблемы существования «абсолютистского государства» в условиях активизации народных масс как действенной силы. ⁵⁹

4

Существует еще один круг источников, до сих пор не привлекавшийся к исследованию «Бориса Годунова», который мог в большей мере вдохновить Пушкина на создание заключительной сцены его трагедии, чем Карамзин или русские летописи. Таковы были книги и статьи по истории французской революции 1789 года, попавшие в поле его зрения незадолго до того времени, когда он начал обдумывать и создавать своего «Бориса».

С середины 20-х годов Пушкин проявлял все повышавшийся интерес к трудам новейших французских историков. В письме к П. А. Вяземскому, писанном 5 июля 1824 года, т. е. еще из Одессы, Пушкин убеждал своего друга, что «французы ничуть не ниже англичан в истории», напоминал, что еще Вольтер «первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории» и что, например, исторический труд Лемонте (Обозрение царствования Людовика XIV) выше сочинений Юма и Робертсона; лишь труд Рабо де Сент-Этьена «Précis de l'histoire de la Révolution Française» (1791), прочитанный им в это же время, вызвал его отрицательный отзыв («Рабо де С-т Этьен — дрянь»). Может быть, еще ранее, вскоре после окончания лицея, Пушкин узнал посмертный трактат г-жи де Сталь «Considérations sur la Révolution Française...» (издан в 1818 году), в котором дано было историческое обоснование закономерности революции 1789 года и представлен был, с точки зрения либерализма, анализ различных политических форм, сменявшихся во Франции с 1789 года до реставрации Бурбонов. Близкое знакомство Пушкина с этой книгой подтверждается эпитафией из нее в 4-й главе «Евгения Онегина» и цитатой (начальные слова 2-й главы первой части), которую Пушкин приводит в своей статье о «Юрип Милославском» Загоскина в «Литературной газете» 1830 года: «... Люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени».

Во второй половине 20-х годов Пушкин внимательно следил за книгами Тьерри, Гизо, Баранта, Тьера, Минье и др. Под влиянием знакомства с сочинениями этих историков к началу 30-х годов у Пушкина созрел собственный замысел историко-публицистического труда, посвященного французской революции 1789 года. Подготовка к этому труду шла довольно интенсивно, все время переплетаясь с реализацией художественных замыслов поэта; хотя эта работа воплощения не получила, но подготовительные для нее материалы, извлечения из читанных книг и черновые записи сохранились; они печатаются теперь в собраниях сочинений Пушкина под условным заглавием «Введение в историю фран-

⁵⁸ «Борис Годунов» А. С. Пушкина, стр. 64; ср. также: А. Слонимский. Мастерство Пушкина. Гослитиздат, М., 1959, стр. 457—498, особенно стр. 464—471 (о Борисе Годунове и французской «трагедии применений»).

⁵⁹ См.: В. А. Бочкарев. Основные идейно-художественные особенности русской исторической драматургии периода подготовки восстания декабристов. (В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Сборник статей. Куйбышев, 1962, стр. 11, 16—17, 19—20, 26). Заслуживающее внимания сопоставление окончания «Бориса Годунова» с одним вновь прочтенным местом незаконченной «Истории Петра» Пушкина находим в статье И. Л. Фейнберга «Неизвестные строки Пушкина» («Вестник Академии наук СССР», 1950, № 8, стр. 55).

цузской революции».⁶⁰ Некоторые из книг, читанных Пушкиным в связи с задуманным грудом, невольно обращают на себя наше внимание.

«Я предпринял очерк⁶¹ французской революции, — писал Пушкин в середине июня 1831 года из Царского Села к Е. М. Хитрово. — Если это возможно, умоляю вас прислать мне Тьера и Минье. Оба эти труда запрещены. Здесь у меня только мемуары, относящиеся к революции». В том же месяце Пушкин получил «Историю французской революции с 1789 по 1814 год...» Ф.-А. Минье, как это явствует из его же письма к Е. М. Хитрово, написанного 19 или 20 июня 1831 года («Благодарю вас за Революцию Минье; я получил ее через Новосильцева»). Эта книга (пятое издание в двух томах, Брюссель, 1828) сохранилась в библиотеке Пушкина⁶² (первое издание ее вышло в 1824 году). Вскоре Пушкин раздобыл также «Историю французской революции» Тьера в десяти томах: этот труд также находится среди книг его библиотеки во втором льежском издании 1828 года.⁶³ Ничто не мешает нам, однако, предположить, что книгу Тьера Пушкин мог знать и раньше: первое ее издание начало выходить в 1823 году. Обращаясь к Е. М. Хитрово с просьбой достать ему сочинение Тьера вместе с книгой Минье, Пушкин прекрасно знал, что он сможет в нем найти и чем ему будет пригоден этот источник для собственного задуманного труда.⁶⁴

Так или иначе, в 1831 году или в более раннее время Пушкин должен был прочесть в книге Тьера рассказ о событиях в Париже на другой день после взятия Бастилии 14 июля 1789 года, в частности о том, что происходило утром 15 июля в Учредительном собрании. Тьер утверждает, что Учредительное собрание совсем уже было собралось направить депутацию к королю, как стало известно, что Людовик XVI идет в Собрание сам, без стражи и свиты; тогда, пишет Тьер, «Мирабо берет слово и говорит: „Пусть мрачное молчание прежде всего встретит монарха в эту минуту скорби. Молчание народа — урок королям“» (*Le silence des peuples est la leçon des rois*).⁶⁵

Сходство этой сентенции с заключительной ремаркой в «Борисе Годунове» бросается в глаза; обращает на себя внимание некоторая аналогия в ситуациях — изображенной Пушкиным и той, в которой приведенные слова были произнесены Мирабо. Дело происходило в тяжелый, переломный момент жизни государства перед сменой власти; представительная масса народа принимала на себя ответственность за судьбу Франции. Призыв к мрачному молчанию, заключаемый преречением о зловещем и предостерегающем значении безмолвия, играющего роль паузы или своего рода антракта между действиями, полными драматического содержания, которые разыгрываются в самой исторической действительности, — все это довольно близко соответствует тому «таинственному

⁶⁰ См.: Я. П. Ясинский. Работа Пушкина над историей французской революции. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 367—368; Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 24—25, 117—119; Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 191—192.

⁶¹ Во французском оригинале — *étude*.

⁶² См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание (Пушкин и его современники, вып. IX—X). СПб., 1910, стр. 289, № 1168.

⁶³ Там же, стр. 349, № 1434.

⁶⁴ Л. Б. Модзалевский в комментарии к «Письмам Пушкина» (т. III, «Academia», [М.—Л.], 1935, стр. 292—293) высказал предположение, что об указанных работах Тьера и Минье Пушкин знал уже из статей Сент-Бева в «Le Globe» (о Тьере в номерах от 10 и 19 января 1826 года, 28 апреля, 12 мая и 29 ноября 1827 года; о Минье — в номере от 28 марта 1826 года).

⁶⁵ M.-A. Thiers. Histoire de la Révolution Française. Seconde édition, revue par l'auteur. Liège, 1828, p. 82—83 (цитирую по экземпляру библиотеки Пушкина. — М. А.).

оцепенению действия», которым, по определению А. Филонова, оканчивается «Борис Годунов».⁶⁶

Первый том «Истории французской революции» Тьера, в самом начале которого находится цитированный эпизод, Пушкин, вероятно, получил почти одновременно с сочинением Минье летом 1831 года, т. е. через полгода после выхода в свет «Бориса Годунова». Имел ли Пушкин в руках этот том ранее — мы не знаем. Тем не менее у нас есть основания утверждать, что указанную сентенцию Мирабо в том или ином контексте Пушкин несомненно знал до того времени, когда не дошедшая до нас рукопись его «Бориса Годунова» с заключительной ремаркой направлена была в печать.

Биографией Мирабо, его письмами и публичными выступлениями в пользу «третьего сословия», с разоблачением тюремной практики накануне революции, участием его в Учредительном собрании и т. д. Пушкин интересовался долгие годы; об этом свидетельствуют частые упоминания «пламенного трибуна» в писаниях и переписке Пушкина,⁶⁷ а также книги его библиотеки. В статье 1833—1834 года «О ничтожестве литературы русской» Пушкин засвидетельствовал, какую представлялась ему роль Мирабо незадолго до революционного взрыва во Франции: «Старое общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобный отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...» Среди книг библиотеки Пушкина, в которой было несколько книг самого Мирабо и о нем,⁶⁸ находилось, в частности, многотомное собрание «Сочинения Мирабо, предваренные заметкой о его жизни и его произведениях г. Мерилью» (Париж, 1825—1827). В первом томе этого издания («Исторический опыт о жизни и сочинениях Мирабо») мы находим тот же рассказ о словах, сказанных Мирабо в Учредительном собрании утром 15 июля 1789 года, который привел в своей книге Тьер. М. Мерилью сообщает об этом следующее: «До прихода Людовика XVI Мирабо требует, чтобы собрание воздержалось от всяческих знаков неодобрения, поскольку, говорит он, молчание народа это — урок королям».⁶⁹

Впрочем, сентенция о безмолвии — знаке упрека или осуждения, — собственно, Мирабо не принадлежит, что давно уже отмечено французскими лексикографами. Он воспользовался этими словами как «крылатой фразой», ставшей широко известной за пятнадцать лет перед тем. Автором данной исторической фразы считается знаменитый проповедник Людовика XV, Жан Бове, архиепископ сенесский (Senes) (1731—1790).⁷¹ В своей исторической проповеди, произнесенной по повелению Людо-

⁶⁶ См.: Андрей Филонов. «Борис Годунов» А. С. Пушкина, стр. 73.

⁶⁷ «Пламенным трибуном», который «предрек, восторга полный, перерождение земли», Пушкин назвал Мирабо в стихотворении «Андрей Шенье» (1825); в черновом автографе было: «И дивный Мир(а)бо». В статье «Александр Радищев» (1836) Пушкин говорит об авторе «Путешествия»: «Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра».

⁶⁸ Кроме собрания сочинений Мирабо, цитируемого ниже, в библиотеке Пушкина сохранились его «Письма», «Мемуары», воспоминания о нем Этьена Люмона (см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, стр. 227 и 291, №№ 895, 1177, 1179).

⁶⁹ M. Merilhou. Essai historique sur la vie et les ouvrages de Mirabeau. In: Oeuvres de Mirabeau, précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages, par M. Merilhou, t. I, Paris, 1827, p. CXI. Как видно из представленного Пушкину счета книжного магазина Беллизара, это издание было приобретено Пушкиным 17 февраля 1836 года, а «Мемуары» Мирабо — 3 февраля того же года (см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 197). Однако эти книги Пушкин мог видеть и раньше.

⁷⁰ Roger Alexandre. Le Musée de la Conversation. Répertoire de citations françaises, dictionnaires modernes, curiosités littéraires, historiques et anecdotiques. 2-me ed., Paris, 1892, p. 373—374.

впка XVI в аббатстве Сен-Дени на похоронах Людовика XV, монсеньер Бове между прочим сказал: «Народ, конечно, не имеет права роптать, но у него есть право молчать, и его молчание — урок для королей».⁷¹

Жан Бове как выдающийся представитель духовного красноречия пользовался во Франции XVIII века широкой известностью; его проповеди, панегирики и погребальные речи издавались и цитировались; многие знали те смелые упреки, которые однажды он адресовал Людовику XV в одной из своих проповедей, сказанных в присутствии короля. Французский народ несчастен, говорил он, но эту истину скрывают от короля, потому что именно он является причиной всех бедствий народа. Вольтер адресовал Жану Бове критические замечания, сопровождаемые тонкой насмешкой, по поводу той самой речи его 1774 года, произнесенной при погребении Людовика XV, из которой мы привели цитату (правда, эта цитата Вольтером не приводится). В 1789 году, незадолго до смерти, Жан Бове был избран депутатом в Генеральные штаты от парижского округа.⁷² Все это может объяснить, почему Мирабо мог воспользоваться исторической фразой: она была в памяти у многих, в том числе, может быть, и у депутатов Учредительного собрания, которые могли знать также об обстоятельствах, при которых ее впервые произнес прославленный прелат.

Были эти слова известны и в России. Мы находим их, например, в статье, переведенной из французского «Conservateur» и помещенной в московском журнале «Минерва» за 1807 год под заглавием «Похвала молчанию». Интересующий нас афоризм «Le silence du peuple est la leçon des rois» в русском переводе получил такой вид: «Молчание подданных — урок для государей». Ссылки на Бове или на Мирабо мы здесь, однако, не находим. Эта фраза вставлена в «Минерве» в длинное рассуждение о значении молчания в общественной жизни и сопровождается здесь другими сходными сентенциями и многими историческими примерами. «Молчание часто изображает мысли с большею ясностью и выразительностью, нежели слово, — говорится, например, в этой статье. — Самое витийство иногда прибегает к сему немому языку — и скорее убеждает ум, и сильнее трогает сердце». «Ничто не изображает так сильно отказа, как молчание. Следующий анекдот, помещенный у Плутарха между острыми изречениями лакедемонцев, доказывает сию истину». «Благоразумен тот, кто умеет молчать, когда говорить не нужно». «Молчание сильнее всякой укоризны действует на людей, навлекших на себя презрение»,⁷³ и т. д.

Как видим, есть все основания предполагать, что историческая сентенция о безмолвии могла дойти до Пушкина разными путями и ото-

⁷¹ Sermons de Messire de Beauvais, t. IV. Paris, 1807, p. 243.

⁷² См.: Dictionnaire des Lettres Françaises. Le Dix-huitième siècle, vol. I. Paris, 1960, p. 163. Послание Вольтера («Au reverend père en Dieu messire Jean de Beauvais, créé par le feu roi, Louis XV, évêque de Senes») издано было отдельной брошюрой в Женеве в 1774 году, без имени автора, но рано стало включаться в собрания его сочинений. См. его например (в составе сборника «Парижские фацеции»): Voltaire. Oeuvres complètes, éd. de l'imprimerie de la Société Littéraire-typographique, s. l., 1785, t. 46, p. 364—366; ср. также: G. B e n g e s c o. Voltaire. Bibliographie des œuvres, t. II. 1885, p. 303—305.

⁷³ «Минерва», 1807, ч. IV, № 15, стр. 228—231. Среди исторических анекдотов и цитат из писателей древнего и нового мира, приводимых в данной статье, отсутствует, однако, упоминание Цицерона. В своей первой речи против Катилины, произнесенной в римском сенате в 63 году, Цицерон говорил, обращаясь к разоблачаемому им заговорщику: «Зачем тебе еще ждать словесного оскорбления, когда ты уже уничтожен грозным молчаливым приговором», и, указывая на сенаторов, восклицал, что их безмолвие красноречиво: «Хотя они молчат, они вопиют» (Quum tacent, clamant). Однако ситуация здесь другая, и сентенция имеет иной смысл: Цицерон хочет сказать, что сенаторы молчаливо подтверждают справедливость обвинений консула против Катилины. Та же латинская фраза в более позднее время получила и юмористический смысл, примененная к молчаливым строптивым женам.

зваться затем в заключительной ремарке «Бориса Годунова». И все же наиболее правдоподобно, что в памяти Пушкина, точность и цепкость которой так восхищали его друзей,⁷⁴ слова о безмолвии-осуждении прочно ассоциировались с началом французской революции 1789 года и с выступлением Мирабо в Учредительном собрании, поскольку эти слова не раз цитировались именно в трудах об истории французской революции. Любопытно, что в интересном полемическом письме к А. А. Бестужеву, писанном в конце мая — начале июня 1825 года, Пушкин, оспаривая тезис Бестужева «У нас есть критика, а нет литературы», ссылаясь на другую сентенцию о молчании, сказанную Мирабо в начале 1790 года по поводу аббата Сийеса (Sieyès), бывшего председателем Учредительного собрания: «Об нашей-то лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе. Son silence est une calamité publique» (т. е.: его молчание — общественное бедствие).⁷⁵ В январе 1826 года Пушкин писал Жуковскому по поводу смерти Александра I: «Говорят, ты написал стихи на смерть Александра. Предмет богатый! Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему». Эти слова поэта свидетельствуют, насколько близко ему было представление об осуждающем молчании.

Американский комментатор «Бориса Годунова» Ф. Барбур в примечании к заключительной ремарке Пушкина отметил, что она напомнила ему мысль, высказанную М. Метерлинком в его трактате «Сокровище смиренных».⁷⁶ Этот трактат начинается главой «Молчание» и развивает идеи о «деятельном молчании»; место, которое Ф. Барбур имеет в виду, читается так: «Мы с трудом переносим одинокое молчание: но молчание нескольких, молчание многих и особенно молчание толпы — такое непосильное бремя, что даже самые сильные души ужасаются его необъяснимой тяжести». Однако мысль бельгийского писателя-импрессиониста, возвеличивавшего молчание в противовес длинным и бесполезным речам, примененная им и на практике в его драматургии,⁷⁷ родственная также идеям Т. Карлейля о молчании как стихии, в которой зарождаются великие идеи, восходит к раннему немецкому романтизму как к своему источнику (в нем находятся также корни тютчевского «Silentium») и не имеет ничего общего с тем кругом идей о молчании — укоре и социальном осуждении, — которые встречались в сочинениях об истории французской революции и могли, как мы стремились показать, отозваться в заключительной ремарке пушкинской трагедии. Этот круг идей связан был также с мыслью о народном протесте, о роли и значении народной массы в историческом процессе. Если высказанные выше догадки правильны, они могут лишней раз подчеркнуть плодотворность дальнейшего изучения «Бориса Годунова» в свете тех мнений, фактов и их интерпретации, которые Пушкин почерпнул из книг французских историков, работая над созданием своей трагедии и почти одновременно трудясь над задуманной им историей французской революции 1789 года.

⁷⁴ См.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. I, СПб., 1885, стр. 366.

⁷⁵ Источник этой цитаты неясен. Возможно, что Пушкин основывался на характеристиках Мирабо и Сийеса, которые были даны в книге г-жи де Сталь «Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française» (t. I, Paris, 1820, p. 199 и 295).

⁷⁶ A. P u s h k i n. Boris Godunov. Russian Text with translation and notes by Philip L. Barbour. New York, 1953, p. 196.

⁷⁷ См.: М. Глинский. «Пелеас и Мелисанда» Метерлинка и Дебюсси. «Русская музыкальная газета», 1916, № 1, стр. 13. Характеризуя драму Метерлинка, автор подчеркивает, что наиболее выдающиеся события происходят в ней в те моменты, когда со сцены не раздается ни одного слова; композитор, в свою очередь, прекрасно понял, что «когда молчат люди, разговаривают их души».